

Николай Буторов и его «окаянные дни»

Первые десятилетия XX века... Зловещий молох первой русской революции, Первой мировой войны, большевистской революции и Гражданской войны потребовал огромных жертв. Разрушающая сила трагического каскада событий прошла и по судьбе правнука Дениса Давыдова – Николая Владимировича Буторова (1884–1970).

Николай Владимирович Буторов родился в тот год, когда отмечали столетие его знаменитого прадеда – легендарного поэта-партизана Д.В. Давыдова, в семье внучки Дениса Васильевича, Софьи Николаевны, урождённой Давыдовой, в начале 1883 года обвенчавшейся с Владимиром Александровичем Буторовым – блестящим офицером лейб-гвардии Уланского полка.

Совсем рядом с родовым именем Давыдовых в Верхней Мазе, на хуторе Вязовой (теперь это п. Октябрьский Радищевского района Ульяновской области), счастливо прошли юные годы детей Буторовых – Николая, Ольги и Юлии. Каждую неделю они посещали верхнемазинскую Покровскую церковь, построенную вдовой Д.В. Давыдова, гостили у родственников – Николая Николаевича и Марии Николаевны Давыдовых. Буторовы имели квартиру в Петербурге, часть зимы проводили в столице. Софья Николаевна хотела, чтобы их единственный сын Николай нашёл своё призвание на гражданской службе.

Ольга, Николай и Юлия Буторовы.
Фото сделано до 1890 года

В 1900 году Николай Буторов поступил в Царскосельский лицей и после его окончания, мечтая о пользе для общества, устроил себе назначение чиновником особых поручений при симбирском губернаторе Янушкевиче. Однако на Янушкевича революционеры совершили покушение, через несколько дней после которого тот скончался. В начале 1907 года Николай Буторов всё-таки устроился на службу к новому губернатору Симбирска Дубасову. Однако работа в приёмной губернатора ему пришлась не по душе. Тогда Николай поступил в земский отдел Министерства внутренних дел в Петербурге. Далее была работа в I Департаменте Сената, где он выбрал дела, касающиеся Симбирской, Саратовской и других поволжских губерний. Тогда же его избрали сызранским уездным и симбирским губернским земским гласным. На заседаниях Земского собрания Николай Буторов, считавший, что дворяне наравне с другими сословиями обязаны подчиняться закону, добивался принятия решений в пользу ходатайствующих крестьян.

В 1910 году от рака горла в возрасте 51 года скончался Владимир Александрович Буторов. Его наследниками стали сын Николай и две дочери – Юлия и Ольга Буторовы. Таким образом имение в Верхней Мазе перешло к правнукам Дениса Давыдова.

В 1911–1912 году голод, периодически случавшийся в Российской империи в неурожайные годы, охватил 60 губерний. На грани смерти находились около 30 млн человек. Осенью 1912 года Николай Владимирович Буторов, к тому времени помощник князя Николая Дмитриевича Голицына, сенатора I Департамента Сената, принимал участие в работе Комиссии по борьбе с голодом в селениях Оренбуржья и Тургайской степи. В ходе экспедиции они находили полуживых женщин, детей и мужчин, больше похожих на скелеты.

Камер-юнкер Н.В. Буторов
и корнет М.М. Бестужев,
двоюродный брат С.Н. Буторовой

Вид несчастных истощённых матерей, беззвучно плачущих над умирающими детьми; детей с невероятно тонкими руками и ногами, смотревших глазами, полными страданий; полупомешанных стариков, с трудом поднимавших руку за куском хлеба, производил потрясающе гнетущее впечатление. Получив разрешение главного уполномоченного Красного Креста Голицына самостоятельно объезжать районы, Буторов стал открывать пункты питания и давать средства на их содержание, писал срочные доклады в Сенат для получения дополнительной помощи голодающим. В качестве вознаграждения за эту работу Н.В. Буторову было пожаловано звание камер-юнкера Высочайшего Двора.

Рано утром 20 июля 1914 года, когда отпуском Николай Буторов ещё крепко спал в своей комнате, в имение Вязовой Хутор (Сызранский уезд Симбирской губернии) прискакал нарочный со станции Новоспасское. Он привёз срочную телеграмму: главное управление Красного Креста вызывало Николая в Петербург. Двадцатидевятилетний Николай Буторов был назначен начальником I Петербургского передового отряда Красного Креста для оказания помощи раненым в районе передовых линий. Отряд состоял

Н.В. Буторов (первый слева)
у перевязочного пункта
в Конопницком лесу

из трёх врачей, семи студентов-медиков, двух сестёр милосердия, 130 санитаров, 36 санитарных двуколок и 14 транспортных повозок. В начале августа 1914 года отряд выехал из Петербурга. Как настоящая патриотка своего Отечества, старшая сестра Николая, Юлия, тоже почти сразу же после начала Первой мировой войны добровольно ушла на фронт и больше двух лет прослужила сестрой милосердия во II передовом санитарном отряде Красного Креста.

Первые полтора года Н.В. Буторов командует санитарным отрядом на Западном фронте и видит войну в самом кровавом, жестоком, неприглядном виде: мучения смертельно раненных, жуткую картину последствий химической атаки, груды полуразложившихся трупов между окопами противников. Буторов также видит, что некоторым офицерам из командования была безразлична судьба раненных: «Проходили обозы, снарядные ящики, артиллерия, сапёры, опять артиллерия, опять ящики, и не было им видно конца. Каждый раз, что мы хотели тронуться, нас сердито останавливали, и мы опять стояли. Наши утверждения, что везём до тысячи одних тяжелораненных, израсходовали весь перевязочный материал и каждая минута задержки может стоить ряда жизней, не помогали. Один офицер озлобленно-взволнованным голосом закричал: «Что Вы пристаёте с ранеными! Вопрос идёт об оставлении Восточной Пруссии, а Вы с ранеными!» (из книги Буторов Н.В. Прожитое. 1905–1920. М.: Викмо, М., 2009)

На территории России санитарные отряды становились на линии штабов полков, а иногда и ближе к передовой линии, оказывали первую помощь и эвакуировали раненых в тыл. Когда предполагался быстрый отход, устраивали в складках местности примитивные шалаши или ставили небольшие палатки. На более продолжительное

время в 300-500 шагах от передовой линии рыли землянки, устраивали перевязочные пункты на трёх-четырёх раненых, покрывая их двумя и даже тремя рядами брёвен, и налаживали перевязочный стол для более сложных больных. Эти землянки находились в районах артобстрела, и не раз их повреждали немецкие снаряды.

Отряду приходилось работать в невероятных трудных условиях. Медицинский персонал, санитары и двуколки то и дело подвергались пулемётному и ружейному обстрелу. Каждый работал на свой страх и риск. Там, где расстояние между окопами было широкое, за ночь удавалось убрать трупы своих и русским, и немцам, но там, где расстояние было всего 20-25 шагов, ни немецкие, ни русские пулемёты уборку не допускали. Офицеры обратились к Н.В. Буторову. Он решил переговорить с начальником дивизии об организации временного перемирия для выноса убитых. Начальник дивизии, услышав слово «перемирие», замахал испуганно руками, но, в конце концов, согласился, переложив всю ответственность на Буторова. Николай Владимирович, вспоминая этот эпизод, пишет: «...Все не без волнения стали выжидать назначенный час – двенадцать часов. По счёту командира роты «три» было решено, что я и Негго (студент-медик) вскочим на окоп. Эти несколько минут (а может быть, секунд), что с флагом Красного Креста мы одиноко стояли на окопе в виде прекрасной мишени для немецких пулемётов, прислушиваясь к выстрелам то справа, то слева от нас и упорно всматриваясь в пуштовавший как будто перед нами немецкий окоп, незабываемы... Тогда немецкий офицер, с револьвером в руке, вышел на окоп и заявил о необходимости провести демаркационную линию. Он медленно зашагал в нашу сторону, а я к нему. Встретившись, мы встали во фронт, отдали друг другу честь и пошли – он направо, я налево, каблуками чертя демаркационную линию. Проведя её, каждый из нас вызвал со своей стороны по четыре человека, и началась выноска убитых. Это продолжалось не более четверти часа. Закончив уборку, немецкий офицер опять подошёл к демаркационной линии, я тоже. Мы вновь отдали друг другу честь, он угостил меня коньяком, я передал ему плитку шоколада; мы пожали друг другу руки и прыгнули в окопы. Через секунду наши и немецкие пулемёты вновь заговорили, показывая, что перемирие кончено...»

Удивительно, но даже в таких нечеловеческих условиях Николай сохранил способность замечать и чувствовать благородство человеческой натуры. В своих воспоминаниях Николай Буторов приводит такой эпизод: «Легкораненные торопили погрузку. Тяжелораненных всё подносили. Некоторые, соображая в чём дело, стали со слезами в голосе умолять не бросать их. Они, геройски жертвовавшие своими жизнями, полуразвалины, просили это как милости, как подавания... Я чувствовал подступавшие слёзы и не знал что делать. Но вот санитары помогли. Они уже тащили из какого-то сарая солону и заменяли ею выбрасываемые из двуколок носилки. Работа закипела. Взяв десять двуколок, я поехал вперёд. Не успели мы проехать и версту, как оказались окружёнными толпой ковылявших, ползущих и подносящихся раненых. Они уже сидели на лошадях. Они уже так заполняли двуколки, что было страшно заглянуть им внутрь, а туда ещё старались впихнуть и впихивали раненых. Офицеры и солдаты уступали друг другу места. Один офицер, сильно раненный в голову, настаивал, заговариваясь, положить вместо него раненного в грудь солдата...» Вспоминая эти дни, Николай Буторов передаёт чудовищные картины войны: «Дивизия продвинулась вперёд, оставив за собой только что взятую высоту с ещё не законченной уборкой убитых. По изрытому снарядами артиллерии полю были разбросаны несколько десятков тел русских и немцев. Они лежали в самых причудливых позах. Многие были изуродованы. Телеги подбирали убитых и свозили к братской могиле, у которой стоял священник. Привычные к делу, усталые уборщики торопились закончить работу. Они взбрасывали кое-как на телеги уже почерневшие тела и оттуда, из высоко накиданных груд, торчали в разные стороны ноги, руки, головы и тряслись при движении. Неумытые и неприбранные, эти тела безжизненно мешали справляться с собой и с искажёнными лицами постоянно цеплялись друг за друга и за телеги. Своим количеством они настолько распяляли человеческие чувства к себе, что на долю каждого не оставалось почти ничего. Здесь уже не было покойников и совершалось не таинство погребения – здесь были только трупы, и эти никому не нужные, безобразно-корявые, мешающие трупы нужно было поскорее убрать, соблюдая кое-какое приличие.»

Вот она – chair a canon! (пушечное мясо – фр.). Это был результат современного разрешения международных разногласий, и этот результат одновременно говорил о низком ещё уровне развития человечества».

Буторов, как единственный сын в семье, не подлежал военному призыву. Работая в Красном Кресте, он оказывался среди тех, кто пытался уклониться от военной службы в этой организации. Н.В. Буторову стала неприятна эта ситуация, и он решил пойти вольноопределяющимся в доблестный лейб-гвардии Уланский полк, в котором его покойный отец прослужил пятнадцать лет. В конце сентября он уже был произведён в офицеры и зачислен во 2-й эскадрон.

В армии берегли любое имущество: снаряды, патроны, винтовки, орудия, аэропланы, сапоги, обмундирование, кухни, двуколки. Но живую силу, которой было много, расходовали широко. Это не могло не угнетать и не возмущать армию и тех офицеров, к которым относился и Николай Буторов.

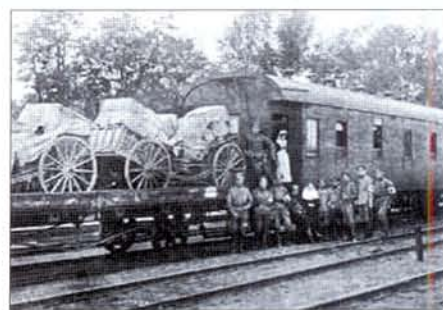
В начале марта 1917 года император Николай II отрёкся от власти. Но Россия продолжала войну, и необходимость довести её до победного конца как будто ни у кого не вызывала сомнений. По крайней мере, Временное правительство громкогласно заверяло в этом. Вскоре после новой присяги лейб-гвардии Уланский полк снова занял участок боевой линии и с короткими промежутками оставался в окопах до осени 1917 года.

Россия раздваивалась. В Петрограде ярко заблестела пятиконечная красная звезда, на юге же России стал медленно подниматься Белый крест... Зимой 1918 года Николай Буторов уезжает в Петроград и полгода живёт по поддельным документам в большевистской столице. Софья Николаевна, мать Николая Буторова, в это время гостила у младшей дочери Ольги в Финляндии и не могла возвратиться к себе, так как оказалась без средств к существованию. По её просьбе сын Николай в переполненном, заплёванном вагоне через пол-России приехал в Вязовую хутор. Земля, скот, инвентарь уже были взяты на учёт крестьянами, библиотека и почти вся мебель усадьбы были растасканы или сожжены, ценные же бумаги и деньги в банках национализированы большевиками. С помощью своего повара Николая и его жены бывший помещик Буторов стал сам у себя выкрадывать тайком что мог и спешно продавать в уездном

городе Сызрани. Вместо предполагаемых трёх-четырёх дней пришлось прожить здесь около месяца. Это был последний его приезд в родные места, последняя встреча с родными...

Только через несколько лет Николай Буторов узнал, что постройки хутора и усадьбы были разобраны крестьянами по брёвнам и кирпичам, что старушка тётка, Марья Николаевна, сразу переселилась из Вязового в Сызрань. Она вынуждена была побираться в соседних деревнях, где ей помогали благодарные крестьяне со своими грошами и провизией, а через два года она умерла от тифа... Старший брат Софьи Николаевны, Николай Николаевич Давыдов (внук Д.В. Давыдова), последний владелец Верхней Мазы, был приговорён большевиками к общественным работам и умер от разрыва сердца после того, как его сына Николая забрали в Красную армию. (По рассказам долгожительницы из села Верхняя Маза Е.Р. Бычковой, её отец, бывший кучер Давыдовых, видел своего барина в Сызрани с метлой в руках). На Покрова святой Богородицы 1 октября 1918 года (дата из воспоминаний С.Н. Буторовой – С.У.) верхнемазинская усадьба была разграблена и сожжена. В том же году в Сызрани был расстрелян большевиками двоюродный брат матери Буторова Михаил Михайлович Бестужев (в селе Тёпловка Николаевского района, в бывшем селе Тёплый Стан Сызранского уезда и сейчас стоит построенный им роскошный особняк с гербом Бестужевых на фронтоне)...

Николаю Буторову приходилось жить в Петрограде полуподпольной жизнью, прятаясь днём, а ночью прислушиваясь к шуму автомобилей, в постоянном ожидании ареста и расстрела без суда. Не желая служить большевикам в качестве военного, Николай Буторов принял участие в организации артели бывших офицеров, решивших заняться физическим трудом, и со своими друзьями чистил улицы от снега и льда. Ближе к лету с помощью сестры Юлии и других девушек пытался организовать кафе и антикварный магазин. Здесь он познакомился с подругой сестры по II передовому санитарному отряду Красного Креста Надей Кох (бельгийкой по отцу), награждённой Георгиевскими медалями четырёх степеней. Молодая девушка влюбилась в него с первого взгляда. Потом всё-таки Николая арестовали. После освобождения Николай Владимирович обвенчался с Надеждой Францевной

Отряд Красного Креста в дороге. Н.В. Буторов сидит на подножке вагона. Осса

и по купленным фиктивным документам «курьера комиссариата иностранных дел» уехал в Швецию. В Стокгольме Буторов занимался отправкой белых офицеров на Архангельский фронт. В конце июля 1919 года, отправив беременную жену к её родителям в Лондон, переехал в Мурманск. После крушения белого движения на Крайнем Севере Николай Буторов был вынужден эмигрировать, и мытарства семьи продолжились в Европе. Лондон, Берлин, с 1927 года – Париж. Там уже жили его сестра Юлия и мать Софья Николаевна, зарабатывавшие на жизнь рукоделием. Все они в разное время были похоронены на русском кладбище Сент-Женеьев-де-Буа, за тысячи километров от своей родной земли...

Шесть лет назад директор Сызранской центральной городской библиотеки Королёва встретила в Париже с дочерью Н.В. Буторова Ксенией Паскалис, которую очень интересовала история Верхней Мазы и хутора Вязовой Сызранского уезда. В последний приют своего знаменитого предка Дениса Давыдова она передала книгу воспоминаний своей бабушки Софьи Николаевны, изданной на чужбине после её смерти. В 2009 году Ксения Николаевна предоставила московскому издательству рукописи воспоминаний своего отца о событиях 1905–1920 годов, и они были изданы небольшим тиражом. Написанные великолепным языком, талантливо и с большой любовью к родине, воспоминания открывают для нас трагические страницы истории страны и судьбы Николая Буторова, потомка героя войны 1812 года Дениса Давыдова. Эта книга также оказалась на родине Николая Владимировича, которую он так беззаветно и безответно любил.

Софья Узбекова,
Радищевский район